

Константин Леонтьев

Оптинский старец Амвросий
(Из письма к
редактору «Гражданина»)

Константин Николаевич Леонтьев

Оптинский старец Амвросий (Из письма к редактору «Гражданина»)

«...Неужели добросердечность, неужели «мораль» будут уместны везде, кроме литературы?

Неужели только в литературе, под предлогом службы «идеям», будут разрешены и похвальны всякая злопамятность, всякая желчь, всякий яд, всякое упорство и всякая гордость, даже из-за неважных оттенков в этих идеях?

Нет! Не верю я этому! Не хочу верить – несправимости этого зла! Не хочу отчаиваться...»

Содержание

Константин Николаевич Леонтьев Оптинский старец Амвросий Из письма к редактору «Гражданина» [1]	.0004
I	.0005
II	.0015
#4	.0026
#5	.0028

**Константин Николаевич
Леонтьев
Оптинский старец Амвросий
Из письма к редактору
«Гражданина» [1]**

«**Н**е будь побежден злом, но побеждай зло добром», – сказал апостол Павел.

Ведь мы все: и Вы, князь, и я недостойный, мы все «верующие» – православные христиане: не будем же более радовать мелкими радостями нашими наших общих врагов, которые не дремлют, как Вы видите, и восстают с разных сторон, и в новых видах и с новым, разнородным оружием (Вл. Соловьев, Л. Толстой, разные ученые специалисты и даже Н. Н. Страхов, явившийся недавно жалким защитником Ясно-Полянского юрода)!

Неужели добросердечность, неужели «мораль» будут уместны везде, кроме литературы?

Неужели только в литературе, под предлогом службы «идеям», будут разрешены и похвальны всякая злопамятность, всякая желчь, всякий яд, всякое упорство и всякая гордость, даже из-за неважных оттенков в этих идеях?

Нет! Не верю я этому! Не хочу верить – несправимости этого зла! Не хочу отчаи-

ваться.

Блаженной памяти наставник мой и стольких иных людей русских от<ец> Амвросий [2] – во многих и многих случаях был одним из тех миротворцев, про которых сказано, что они «сынами Божиими нарекутся».

Он скончался, обремененный годами и недугами и утомленный наконец непосильными трудами для исправления и спасения нашего...

Я счел бы себя крайне неправым, если бы не предложил Вам, князь, перепечатать здесь, во-первых, начало небольшой заметки Евгения Поселянина о том, кем и чем был в миру от<ец> Амвросий, когда и как он поступил в монахи и т. д., а потом описание его кончины и погребения (того же автора). С этого надо начать, а после, надеемся, Господь поможет нам и от себя еще что-нибудь прибавить.

«Иеросхимонах Амвросий, – говорит Евгений П<оселянин>, – старец Калужской Введенской Оптиной пустыни, преемник великих старцев Леонида (Льва) и Макария, мирно почил 10 октября, достигнув глубокой, почти 80-летней старости.

Он был уроженец Липецкого уезда, Тамбовской губ<ернии>, происходил из духовного звания и назывался в миру Александром Михайловичем Гренковым. Успешно окончив курс, он был оставлен преподавателем при Тамбовской семинарии, и никто не думал, что он будет монахом, так как он в юности был общительного, веселого и живого нрава. Но будучи у же учителем, он стал задумываться о призвании человека, и мысль о полном посвящении себя Богу стала все сильнее овладевать им. Не без труда и не без колебаний он решил избрать иноческую жизнь, и, чтобы никто не мог отнять у него решимости, за которую он боялся, Александр Михайлович, не предварив никого, лет 25-ти от роду, не взяв отпуска, тайно от всех ушел из Тамбова за советом к старцу Илариону. Старец сказал ему: «Иди в Оптину и будь опытной». Уже из Оптины прислал он письмо епископу Тамбовскому Арсению (впоследствии митрополиту Киевскому), в котором просил извинить его за сделанный им поступок и излагал причины, побудившие его к тому. Владыка не осудил его.

Из своего уединения отшельник звал к себе одного из своих товарищей по учению и по службе, ставшего впоследствии тоже оптинским иеромонахом, – и в восторженных словах описывал то душевное счастье, к которому он приблизился.

В Оптиной пустыни Александр Гренков, принявший при пострижении имя Амвросия, находился под руководством известного старца отца Макария.

Предвидя, какой светильник готовится монашеству в лице молодого инока, и любя его, отец Макарий подвергал его тяжелым испытаниям, в которых закалилась воля будущего подвижника, воспиталось его смирение и развились иноческие добродетели.

Как близкий помощник отца Макария и как ученый человек, отец Амвросий много потрудился в переводе и издании известных аскетических сочинений, которые обязаны своим воскрешением Оптиной пустыни.

По кончине – в 1866 году – отца Макария отец Амвросий был избран старцем.

Старец, руководитель совести – это лицо, которому поручают себя люди – миряне точ-

но так же, как монахи – ищущие спасения и сознающие свою немощь. Кроме того, к старцам, как к вдохновенным руководителям, обращаются верующие люди в трудных положениях, в скорбях, в часы, когда не знают что делать, и просят по вере указания: «скажи мне путь мой, в онь же пойду».

Отец Амвросий отличался особенною опытностью, безграничною шириной взгляда, кротостью и незлобием детским. Молва о его мудрости росла, к нему стал стекаться народ со всей России, а за народом пошли к нему великие и ученые мира. К отцу Амвросию приезжал Достоевский, был не раз и граф Л. Толстой.

Всякий подходивший к отцу Амвросию выносил сильное, незабвенное впечатление, в нем было что-то действовавшее неотразимо.

Аскетические подвиги и трудовая жизнь уже давно изнурили вконец здоровье отца Амвросия, но до последних дней он никому не отказывал в совете. Великие таинства совершались в его тесной келии: здесь возрождались на жизнь, обеспечивались семьи, утихали скорби.

Великие милостыни текли от отца Амвросия всем нуждающимся. Но больше всего жертвовал он на свое любимое детище – женскую Казанскую общину в Шамардине, в 15 верстах от Оптиной, которой предстоит великая будущность. Тут он провел последние дни и скончался» («Моск<овские> вед<омости>», № 285, 15 окт<ября>). Из того же № 285 я выписываю другой отрывок г-на Фед. Ч., изображающий очень верно характер деятельности усопшего старца.

«Оптина Пустынь – хороший монастырь. Хорошие в нем порядки, хорошие монахи, это Афонский монастырь в России... Но нет в нем таких святынь, как чудотворные мощи, как особенно прославленные иконы, – привлекающие русских людей в другие монастыри...

Почему же, зачем, к кому ездили и шли в Оптину: деревенская баба, изнывающая над пояском своего единородного «ангельчика», отошедшего от нее к Богу и унесшего с собой все ее земные радости; мужик с загрубелым телом, которому пришлось в жизни «ложись да помирай»; мещанка с кучей ребятишек, не имеющая куда главу преклонить; дворянка,

оставшаяся от мужа с дочерью «ни с чем», и дворянин с семьей, по старости оставшийся без дела, с восемью детьми, которому пришло «хоть петлю на шею»; ремесленник, торговец, чиновник, учитель, помещик – с разбитым здоровьем или с разваливающимся состоянием, запутанными делами и все с разбитыми сердцами?.. Почему, зачем, к кому ездили: сенатор с семьей из Петербурга, важные лица по управлению империей, по управлению губернией, по управлению уездом, митрополит из столицы, Великий князь, член царской семьи, писатель, полковник из Ташкента, казак с Кавказа, целая семья из Сибири, износивший сердце и мысль атеист русский, запутавшаяся в делах ума и сердца русская полунаука, разбитое сердце отца, мужа, матери, оставленной невесты... Куда, к кому шло все это? В чем тут разгадка?..

Да в том, что тут, в Оптиной, было сердце, вмещавшее всех, тут были свет, теплота, радость – утешение, помощь, уравновешение ума и сердца, – тут была благодать от Христа, тут был тот, кто «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордит-

ся, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» – все ради Христа, все ради других, – тут была любовь, всех вмещающая, тут был старец Амвросий...»

Весьма хороши также следующие стихи, взятые мною из третьей статьи того же номера (статья подписана только буквой А).

*Среди лесов, в стране далекой и глухой
Обитель мирная издавна приютилась,
Стеною белою от мира оградилась, —
И в небо шлет мольбу за пламенной
мольбой.*

*Обитель мирная – приют больных сердец,
Разбитых жизнью, обиженных судьбою,
Иль чистых сердцем душ, предызбранных Тобою,
О, Всемогущий и Всеведующий Отец!
Пусть буря там вдали, немолчный гул валов,
Пусть пенится, кипит страстей житейских море,
Пусть волны грозные бушуют на просторе, —*

Здесь пристань тихая у верных берегов...

Здесь так молитвенно и ласково шумит

Вершинами деревьев сосновый лес душистый;

Свой бурный бег смирив, здесь лентой серебристой

Река между кустов задумчиво бежит...

Здесь храмы... иноки... и много лет живет

В лесу, в скиту святом здесь старец прозорливый;

Но мир о нем узнал: рукой нетерпеливой

Стучит уж в дверь к нему и просится народ...

Им принят всякий здесь: и барин, и мужик.

Богатый и бедняк, – всем нужен старец чудный:

Струей целительной в волненьях жизни трудной

Здесь утешенья бьет духовного родник.

Сюда, боец прискорбных наших дней!

В обитель мирную на отдых и молит-

ву:

*Как древний муж, гигант-боец Антей,
Здесь силой укрепясь, опять пойдешь
на битву.*

*Здесь хорошо. Здесь можно отдохнуть
Душой усталую в борьбе за правду Бо-
жью,*

*И свежих сил здесь можно почерпнуть
На новый, грозный бой с безверием и
ложью.*

Тем, кто посещал Оптину, в особенности тем, кто долго жил в ней, – эти искренние стихи, конечно, напомнят много знакомых чувств и картин.

В № 295 «Моск<овских> вед<омостей>» от 25 Октября Евгений Поселянин описывает довольно подробно кончину и погребение отца Амвросия; – я передам его рассказ в несколько сокращенном виде:

«Отец Амвросий, – говорит Е<вгений> П<оселянин>, – недомогал уже очень-очень давно. 52 года назад он пришел в Оптину со слабым здоровьем; тому лет 25, возвращаясь в санях из Оптина монастыря в скит, он был выброшен из саней, получил сильную простуду и вывих руки и от плохого лечения простым ветеринаром долго страдал. Этот случай окончательно расшатал его здоровье. Но он продолжал те же непомерные труды и то же страдное существование.

Доктора, по просьбе лиц, любивших старца, навещавшие его, всегда говорили, что его болезни – особенные, и ничего они сказать не могут. «Если бы вы спрашивали меня о простом больном, я бы сказал, что остается полчаса жизни, – а он, может быть, проживет и года». Старец существовал благодатию. Ему

шел 79 год.

3 июля 1890 года он выехал в основанную им женскую Казанскую общину в Шамардине, в 15–20 верстах от Оптиной, – и более не возвращался. На эту общину, которая ему была чрезвычайно дорога, он положил свои последние заботы. Прошлым летом он собирался ехать обратно, уже вышел на крыльцо, чтобы сесть в экипаж; ему сделалось дурно, он остался. Зимой же у него появилась откуда-то новая икона Божией Матери. Внизу, среди травы и цветов, стоят и лежат ржаные снопы. Батюшка назвал икону «Спорительницей хлебов», составил особый припев к общему богородичному акафисту и указал праздновать иконе 15 октября.

К концу зимы отец Амвросий страшно ослабел, но весной силы как будто вернулись. Раннею осенью стало опять хуже. Приходившие к нему видели, как иногда он лежал, сломленный усталостью, голова бессильно падала назад, язык еле мог произнести ответ и наставление, чуть слышный, неясный шепот вылетал из груди, а он все жертвовал собой, никому не отказывал.

К концу сентября старец начал торопиться с шамардинскими постройками, велел все оставить и кончать скорей богадельню и детский приют. С 21 сентября началась его предсмертная болезнь. Появились нарывы в ушах, причинявшие ему сильную боль. Он начал терять слух, однако обычные занятия продолжались, и он подолгу говорил с теми, кто приезжал из других мест и кому он был близок. Одной монахине он сказал: «Вот это уж последние страдания»; но она поняла так, что ко всем тягостям жизни старца должно присоединиться и еще испытание, – мучительный недуг. Болезнь шла своим чередом, но мысль о смерти не приходила никому в голову.

С октября начались новые беспокойства: епархиальная власть требовала, чтобы старец вернулся в Оптину; архиерей должен был приехать, чтобы высказать свое желание. Батюшка говорил: «Вот приедет архиерей, и много вещей нужно будет спросить ему у старца; много будет народу, а отвечать ему будет некому – я буду лежать и молчать; но как только он приедет, я уйду пешком в мою

хибарку».

Наступали последние дни.

Великое утешение было послано отходящему старцу: он был оставлен наедине с собой. Нужно было видеть, что всегда, с утра до ночи, происходило около отца Амвросия, чтобы понять, какую малую часть дня он мог употребить на себя, на молитву о себе, на думы о своей душе. Страшная борьба могла бы омрачить последние дни старца, борьба между любовью к своим детям, которые толпой шли к нему, и жаждой перед отходом из мира остаться наедине с Богом и своею душой. Он стал глух и нем.

Раз как-то, когда стало лучше, он проговорил: «Вы все не слушаетесь, вот и отнял у меня Бог дар слова, и слух отнял, чтобы не слышать, как вы проситесь жить по своей воле».

Его приобщили и соборовали; к нему ходили за благословением, и он старался осенить крестным знаменем. Только его живые прозорливые глаза светились прежнею мудростью и силой. И тут он умел выразить свою ласку. Так, одному из ближайших монахов он раньше сделал горячее замечание по стройке

и считал себя виноватым. Когда батюшку приподняли, чтоб оправить, он положил голову на плечо этого монаха и смотрел на него, точно прося прощения.

Последние семь дней он совсем не принимал пищи. Слух и речь, по-видимому, иногда возвращались; в предпоследнюю ночь он с одним из своих помощников говорил о делах Шамардина. Навсегда осталось скрытым, какие чувства и мысли возникали в оставлявшей землю душе великого праведника; безгласный он лежал в своей келий; по движению губ было заметно, что он шепчет молитвы. Силы оставили его совсем. 10 октября, в четверг, он склонился на правую сторону; прерывистое дыхание еще показывало присутствие жизни; в половине двенадцатого он вдруг тихо затрепетал и отошел.

Выражение безмятежного покоя и ясности запечатлело черты его образа, при жизни светившегося такою беззаветною любовью и такою правдой.

В этот самый день, ровно в 11 ½ часов, архиерей сел в карету, чтоб ехать к старцу. Когда на полдороге ему донесли, что отец Ам-

вросий скончался и в котором часу, он был поражен. Он заплакал и сказал: «Старец сотворил чудо».

Никакие слова не опишут той скорби, какую почувствовали шамардинские сестры. Они сперва не могли верить, что батюшка, *их* батюшка умер, что его нет с ними и не будет. Тяжелые картины горя наполнили монастырь, и по тому потрясающему впечатлению, которое произвела кончина отца Амвросия на всех знавших его, можно судить, что такое отец Амвросий.

Между Оптиной и Шамардиным долго шли переговоры о том, где хоронить батюшку. Синод решил хоронить в Оптиной. Невозможность сохранить у себя даже могилы старца было новым горем для Шамардина.

13-го числа батюшку отпевали. Церковь, в которой он стоял, представляет громадную залу с простыми деревянными стенами; на стенах местами картины-образа. Он сам устраивал эту церковь. В последние недели его жизни к этой церкви, которая есть не что иное, как зала стоявшего тут помещичьего дома с громадною пристройкой, окончательно при-

делали с правого бока целый ряд больших комнат, сообщающихся непосредственно с церковью окнами и дверями: сюда отец Амвросий задумал перевести из своих шамардинских богаделен тех убогих, которые не могут двигаться – их не нужно будет возить в церковь, через окна им будет всегда слышна служба.

Когда приехал из Оптиной архиерей, – совершили панихиду, и архиерей вошел в церковь при звуках: «аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!»

Началась обедня. Когда стали произносить надгробные речи, а затем совершилось отпевание, поднялись страшные рыдания. Особенно трудно было смотреть на 50 детей, которых батюшка воспитывал в своем приюте. Во время службы видели, как неизвестная женщина подносила к гробу младенца, молилась и плакала, точно прося защиты.

В этот день произошло событие, о котором много говорят. К батюшке часто ездила благотворительница Шамардина, жена очень известного московского торгового деятеля, г-жа П. У ее замужней дочери не было детей, и она

просила батюшку указать, как лучше ей взять ребенка на усыновление. В прошлом году, в половине октября, батюшка сказал: «Через год я сам дам Вам дитя».

За похоронным обедом молодые супруги вспомнили слова батюшки и подумали: «Вот он умер, не исполнив обещания».

После обеда, у крыльца корпуса игуменьи, монахини услышали детский плач; у крыльца лежал ребенок. Когда дочь г-жи П. узнала о том, она кинулась к младенцу с криком: «Это батюшка мне дочку послал!» Теперь ребенок находится уже в Москве.

14 октября происходило перенесение тела отца Амвросия из Шамардина в Оптину. На всех это событие произвело впечатление не погребального шествия, а перенесения мощей. Стечение народа было громадное; большая дорога во всю свою очень значительную ширину была заполненадвигающимся людом, и все-таки шествие растянулось на две версты. Большинство провожавших прошли пешком весь длинный, около 20 верст, путь, несмотря на сильнейший ливень, продолжавшийся все время. Так возвращался он «пеш-

ком в свою хибарку»! В селах встречали его перезвоном колоколов, священники в облачениях с хоругвями выходили из церквей. Женщины пробирались через толпу и прикладывали детей ко гробу. Были люди, которые несли, не сменяясь, переходя только с одной стороны на другую.

Больше всего поразило всех следующее несомненное знамение. По четырем сторонам гроба монахини несли зажженные свечи безо всякого прикрытия. И страшнейший ливень не только не загасил ни одну свечку из них, но не слышно было ни разу треска капли воды, падающей на фитиль.

15 октября – в тот же день, как батюшка установил праздновать иконе «Спорительнице хлебов», его похоронили. Об этом совпадении догадались только потом. Невольно думается, что, покидая своих детей, эту икону отец Амвросий оставил как знак своей любви и своей постоянной заботы об их насущных нуждах.

Посреди Оптинской церкви в честь Казанской иконы Божией Матери, которую особенно чтит старец, стоял его гроб, окруженный

множеством иеромонахов, при торжественном чине архиерейской службы.

Посещавшие Оптину помнят за стеной летнего собора, слева от дорожки, белую часовню над могилой предшественника и учителя отца Амвросия, старца Макария. Рядом с этою часовней, на самой дорожке, вырыли могилу. Во время работ коснулись гроба отца Макария; деревянный ящик, в котором он стоял, весь истлел, а самый гроб и вся обивка после 30 лет остались неприкосновенны. Рядом с этим гробом поставили новый гроб, сверху насыпали небольшой холм. Это – могила отца Амвросия.

Те, кто знали, какую жизнь прожил отец Амвросий, не могут примириться с мыслью, что тело его постигнет общая судьба.

В Оптиной пустыни особых перемен не может быть; там остался тот же архимандрит; там же и любимый батюшкин ученик, отец Иосиф, которому, уезжая из Оптиной, отец Амвросий поручил свое дело».

(Прибавим от себя: и другой его же ученик – скитоначальник отец Анатолий, сам уже давний духовник и многоопытный ста-

рец.)

«Но положение Шамардина гораздо тяжелее, – говорит дальше Евгений П<оселянин>. Шамардино существовало одним отцом Амвросием; ему нет и десяти лет. Строй жизни этой общины, ее история, значение, которое ей придавал отец Амвросий, его пророчества о ней, все это говорит о ее великом уделе.

Но пока ее крест тяжел. Всякое слово о кончине отца Амвросия тут – крик наболевшего сердца, вопль существа, у которого отняли все.

Пятьсот сестер остались почти без средств и без руководителя.

Отец Амвросий предсказал, что обитатели предстоят жестокие испытания; но он говорил также: «Без меня вам еще лучше будет».

Вера в старца одна поддерживает сестер».

Мне почти нечего прибавить к рассказу преданного старцу автора.

Необходимое все сказано, и я могу только свидетельствовать, что он верно и правильно оценивает дух и заслуги нашего общего наставника.

Что касается до основательного и подробного жизнеописания отца Амвросия, то оно еще впереди.

Найдется несомненно раньше или позднее в среде его многочисленных почитателей и учеников и такой человек, который решится возложить на себя этот богоугодный и уж, конечно, – занимательный труд.

Здесь же я, в заключение, позволю себе напомнить, что многие думают, будто отец Зосима в «Братьях Карамазовых» Достоевского более или менее точно списан с отца Амвросия. Это ошибка. От<ец> Зосима только наружным, физическим видом несколько напоминает от<ца> Амвросия, но ни по общим взглядам своим (наприм<ер>, на *перерождение государства в Церковь!*), ни по методе руководства, ни даже по манере говорить – меч-

тательный старец Достоевского на действительного Оптинского подвижника не похож. Да и вообще от<ец> Зосима ни на какого из живших прежде и ныне существующих русских старцев не похож. *Прежде всего все эти старцы наши вовсе не так слащавы и сентиментальны, как от<ец> Зосима.*

От<ец> Зосима – это воплощение идеалов и требований самого романиста, а не художественное воспроизведение живого образа из православно-русской действительности...

Примечания

1

Получив известие о смерти своего духовного наставника, оптинского старца отца Амвросия, Константин Николаевич Леонтьев, будучи больным и находясь в Сергиевом Посаде, подготовил настоящую статью и отправил ее князю Мещерскому Владимиру Петровичу, известному публицисту охранительного направления, издателю газеты-журнала «Гражданин», в которой он напечатал не одно свое произведение.

2

С Оптиной пустыней тесно связаны последние 15 лет жизни К. Н. Леонтьева. В оптинской аскетике искал он твердые, правильные формы для своей рвущейся к краю натуры. У оптинских старцев прошел он суровую школу усмирения своего слишком широкого и своевольного духа. Именно старец Амвросий благословил его в августе 1891 г. принять тайный постриг. К. Н. Леонтьев стал иноком Климентом. По настоянию старца он переехал в Сергиев Посад; однако прожил там недолго. 12 ноября 1891 г., через месяц после

кончины Амвросия, он умер от воспаления легких и был похоронен на погосте Гефсиманского скита.